

2. Аль-Банна, Х. Маджмуат расаиль аль-имам аш-шахид Хасан аль-Банна (Собрание посланий имама Хасана аль-Банна) / Х. аль-Банна. – Александрия, 1998. – С. 63–87.
3. Ражбадинов, М. З. Египетское движение "Братьев-мусульман" / М. З. Ражбадинов. – М., 2004.
4. Хасан аль-Банна – джасус аль-райх ас-салис (Хасан аль-Банна – шпион Третьего рейха). [Электронный ресурс] // Аль-Иттихад. – 2019, 28 марта. – Режим доступа: <https://www.alittihad.ae/article/19362/2019/>. – Дата доступа: 2.11.2020.
5. Abdel-Samad, H. Der islamische Faschismus. Eine Analyse / H. Abdel-Samad. – Muenchen, 2014.
6. Al-Banna, H. Six Tracts of Hasan Al-Banna. A Selection from the Majmu'at Rasa'il [Electronic resource] / Х. аль-Банна // Salimiah (Kuwait): I.I.F.S.O. – 2006. – Mode of access: <https://www.slideshare.net/IslamicBooks/majmu-at-rasa-six-tracts-of-al-imam-al-shahid-hasan-al-banna>. – Date of access: 14.11.2020.
7. Khan, Muqtedar M.A. Islam and Good Governance. A Political Philosophy of Ihsan. – N. Y., 2019.
8. Ramadan, T. Aux sources du renouveau musulmans : d'al-Afghānī à Ḥassan al-Bannā un siècle de réformisme islamique / Ramadan, T. – Paris, 1998.
9. Soage, A. Ḥasan al-Bannā and Sayyid Quṭb: Continuity or Rupture? / A. Soage // The Muslim World. – 2009. – Vol. 99. – N 2. – P. 294–311.

*Н. В. Кошелева, доцент
Белорусский государственный университет*

БЕРНАРД ЛЬЮИС О РАЗВИТИИ ИСЛАМОВЕДЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

Западное исламоведение, включая изучение истории ислама и мусульманских обществ, в настоящее время претерпевает заметные изменения. Связано это с пересмотром европейского востоковедческого наследия (критика ориентализма), смещением предметных акцентов, а также с изменением самого субъекта исследования. Отказ от термина «ориентализм» в пользу ряда отдельных дисциплин, в рамках которых происходит изучение исламских обществ, особый интерес к современным мусульманским институтам в широком смысле слова, а также вовлечение в академический исследовательский процесс самих представителей ислама стали отличительными чертами современного западного исламоведения. Выработка на Западе новых подходов к востоковедческим дисциплинам все еще продолжается. Тем важнее оценить весь пройденный западным исламоведением путь.

Свое видение его эволюции предложил один из основателей современного академического исламоведения на Западе американско-британский ученый Бернард Льюис (1916–2018). Взгляды Б. Льюиса на развитие мира ислама, в том числе его политические взгляды, в настоящее время являются предметом острых дискуссий, поскольку он был тем академическим ученым в публичном пространстве Запада, деятельность которого также носила политизированный характер.

Тем не менее его значимость как академического ученого не подвергается сомнению. Б. Льюис и его жизненный путь стали своего рода воплоще-

нием целой эпохи западного исламоведения. Выходец из еврейской семьи, проживающей в Великобритании, он увлекся восточными языками и в конечном итоге связал свою работу и исследования с мусульманским миром.

Первая половина XX в. была временем оформления корпуса востоковедческих наук, и, в частности, исламоведения. Шел активный процесс развития теории религии, которая все еще находилась под влиянием теологии. Одни ученые пребывали в поиске общей для всех религий методологической основы. Другие следовали нарративу изучаемых ими источников. Быстрыми темпами распространялся историко-критический метод. В большинстве случаев востоковедческие исследования диктовались практическими нуждами. Ориенталистские центры Европы готовили в основном прикладных специалистов, которые бы отвечали политическим, экономическим и образовательным запросам соответствующих государств.

Именно в этот период, в 1936 г. Б. Льюис закончил Школу востоковедения (с 1936 г. – Школа восточных и африканских исследований) при Лондонском университете, где учился у знаменитого британского ориенталиста Гамильтона Гибба [4]. Там же несколькими годами позже он получил степень по истории ислама. Часть своих диссертационных исследований он провел под руководством известного французского исламоведа Луи Массиньона в Парижском университете. За исключением периода Второй мировой войны, когда он служил в британской разведке и Форин-офисе, ученый занимался преподавательской и исследовательской деятельностью [3, р. 51]. Сначала работал в Великобритании как профессор истории и заведующий кафедрой истории в Школе восточных и африканских исследований, с 1974 г. – в США в Принстонском университете и Институте перспективных исследований (г. Принстон, Нью-Джерси) до 1986 г., затем в Корнельском университете до 1990 г. [13]. В 1986 г. в Принстонском университете он получил звание «заслуженного профессора», а в 2002 г. ему была присвоена степень почетного доктора [2]. Большую часть своей жизни он посвятил исключительно исследовательской работе. При этом, по его же словам, стремился совместить изучение современного Ближнего Востока с историей Османской империи, с историей отношений между исламом и Европой, начиная «от их истоков и, через османский период, до современности» [13].

Собственное видение истории изучения ислама в Европе и шире – на Западе, основные подходы и проблемы Б. Льюис представил в ряде своих книг, наиболее значимыми из которых были «Ислам в истории» [9], «Ислам и Запад» [8], а также автобиографическое произведение «Заметки о столетии: размышления специалиста по истории Ближнего Востока» [5]. Масштабы поднятых Б. Льюисом проблем столь велики, что не могут быть рассмотрены в рамках одной публикации. Ниже представлен обобщенный анализ истории западного исламоведения, осуществленный Б. Льюисом.

В целом развитие исламоведения на Западе ученые оценивают в контексте основных периодов европейской истории, и Б. Льюис не стал исключением из этого правила, хотя у него присутствуют некоторые отличия в оценках.

Первый период соответствует средневековой Европе. Для данного периода Б. Льюис выделил несколько целей изучения мира ислама. Первая – практическая – была связана с необходимостью «уничтожения врага» в

лице носителей ислама. Вторая была продиктована потребностью в расширении знаний: «Некоторые европейцы признавали тот факт, что мусульмане Испании и Востока владели более значительными знаниями по медицине, философии и другим наукам, чем европейцы. Поэтому они и начали изучать арабский язык» [9, р. 8]. Более того, в своей фундаментальной книге «Арабы в истории» ученый прямо писал о том, что средневековые контакты европейцев с мусульманами обогатили знаниями первых и практически никак не повлияли на знания, культуру и жизнь последних [6, р. 180]. Тем самым автором подчеркивается, что именно европейцы проявляли неподдельный интерес к новым знаниям.

В это время основной формой получения информации о мусульманах стала религиозная полемика, с помощью которой европейцы стремились защититься от мусульманской «агитации», а также пытались переманить мусульман в лоно христианства. Эта форма, как указывал Б. Льюис, получает новое дыхание в дальнейшем только в Советском Союзе и шире – в марксистской среде: «В 1920-е и начале 1930-х гг. в Москве печатались антиисламские издания, так или иначе имевшие сходство с монастырской средневековой западноевропейской литературой. Их интерпретация ислама, основанная априори на теоретических принципах и предназначенная для практических целей, принадлежит к литературе по религиозной полемике в большей степени, чем к научному исследованию» [9, р. 9].

В данный период переводов с арабского в европейском мире было очень мало; переводились книги преимущественно по теологии, философии и медицине. Переводы осуществлялись не напрямую на европейские языки, а, как правило, через иврит – обстоятельство, которому Б. Льюис придавал особое значение. Среди проблем, с которыми столкнулись переводчики, ученый отмечал в первую очередь трудность перевода арабских терминов, а также переводы Корана, имевшие для мусульман статус тафсира, т. е. комментариев к Корану. Б. Льюис подчеркивал также особую роль общих для обеих цивилизаций библейских и эллинистических корней, что оказывало определенную помощь в деле перевода [8, р. 62–63].

Второй период в целом соотносится с первой частью Нового времени. Он начался с эпохи Ренессанса, хотя следует отметить, что в некоторых вопросах, как, например, перевод текстов, Б. Льюис не делал столь уж жесткого разграничения между периодами. Начало нового этапа Б. Льюис связывал с изменением отношения европейцев к исламу и мусульманам.

В этот период религиозная полемическая литература уже перестала отвечать нуждам новой эпохи, поскольку «с окончанием средних веков ислам больше не рассматривался христианской Европой как серьезный интеллектуальный противник», а также потому, что европейцы убедились, что обратить мусульман в христианство не получается» [9, р. 8]. Смысл же миссионерской христианской пропаганды стал сводиться, по мнению исследователя, к рассмотрению ислама в качестве переходной стадии от язычества к христианству.

Европейцы более предметно приступили к переводам арабских текстов на латинский и, чуть позже, на национальные языки. Для данного времени, по замечанию ученого, характерны были немногочисленные переводы исторических текстов, посвященных преимущественно крестовым походам,

мусульманскому завоеванию Испании, Сицилии и частично Франции. Б. Льюис подчеркивал, что подобные переводы «пестрели ошибками и неверными интерпретациями» [8, р. 64].

Основными действующими субъектами изучения ислама первоначально все еще оставались религиозные круги, теологи и миссионеры. Именно благодаря им, как полагал Льюис, началось становление западного востоковедения: «В значительной степени теология оставалась стартовой точкой для тех, кто предпринимал академическое исследование восточных цивилизаций и религий». Этим фактом ученый и объяснял рудименты некоторых предубеждений средневековья, которые «все еще обнаруживаются притаившимися за...сносками академического аппарата» [9, р. 8]

Б. Льюис выделил три основных фактора, оказавших огромное влияние на становление востоковедческих дисциплин и того феномена, который получил название «ориентализм»: возрождение античных текстов, путешествия европейцев на Восток, интерес к исламу протестантов.

Изучение античной классики, которое находилось под сильным влиянием теологии и философии, предопределило разработку филологического метода исследования. Этот новый метод, как указывал ученый, диктовал также выход на сцену нового субъекта исследования: «...Полемист уступил место новой фигуре, которая стала известной под странным термином “ориенталист” [9, р. 10]. Б. Льюис указывал на то, что обычно дисциплинами ориенталиста того времени были теология и философия, и, несколько идеализируя субъект исследования, настаивал на том, что мотивами европейских исследователей могли быть как любопытство, так и практические нужды.

Б. Льюис особо подчеркивал, что «ориентализм» как раздел науки начал оформляться именно в эпоху Ренессанса. Основным же определителем термина стало владение арабским языком по аналогии с эллинистами или гебраистами, которые изучали соответственно греческий и древнееврейский языки. При этом ученый сделал очень важное наблюдение о том, что «термин «ориенталист» в то время не был таким расплывчатым и неточным, каковым является в настоящее время» [11, р. 3]. Ведь для европейцев тогда «Восток» был преимущественно Востоком мусульманским, владением Османского государства, оставляя в стороне территории Китая, Японии и других азиатских стран. Что же касается современного использования данного термина, то, по замечанию ученого, «само слово «ориенталист» указывает на объект исследования, однако оно слишком неопределенно и «не дает никакого определения метода или цели» [9, р. 10].

Как уже было сказано выше, ко второму периоду Б. Льюис относил истоки «академической [востоковедческой] науки». В ее рамках шло изучение Священного Писания мусульман и классических исламских текстов, причем преимущественно теми же методами, что и исследование античных текстов и Библии. Поэтому неудивительно, что для подобных изысканий востребованными оказались арабский и в меньшей степени персидский языки.

Расширение европейского влияния и постепенное создание колониальной системы привели к необходимости сбора сведений о государствах Востока. Ученый подчеркивал, что первыми, кто внес огромный вклад в формирование европейского видения исламского общества, были путешественники, и что их труды в дальнейшем в гораздо большей степени, чем

работы историков, помогли очертить образ ислама и исламской цивилизации в западной общественной мысли и научных исследованиях [9, p.16]. В этой связи следует отметить, что классическое издание «Оксфордская энциклопедия современного исламского мира» в статье, посвященной становлению и развитию западного исламоведения, не делает особого акцента на роли европейских путешественников в исследовании исламской цивилизации [14].

Изучение мира ислама в рассматриваемый период было в первую очередь сосредоточено на Османской империи, ее экономическом состоянии, военном и людском потенциале. Соответствующие исследования были вызваны практическими потребностями. При этом Б. Льюис уточнял, что Турция «все еще рассматривалась преимущественно в религиозных, а не национальных терминах, и что даже такие этнические названия как “турок” и “мавр” повсеместно использовались в религиозном смысле, как синонимы мусульман...» [9, p.10–11].

Особое значение Б. Льюис придавал тому факту, что на рост европейских востоковедческих исследований повлияли протестанты, которые первоначально испытывали некоторую симпатию к исламу, выступавшему против политеизма и изображений. Ученый подчеркивал, что в то время существовала возможность антикатолического альянса между турками-мусульманами и протестантскими государствами. И хотя этот альянс не состоялся, в какой-то степени интерес протестантов к исламу оказал влияние на рост востоковедческих сочинений [9, p. 10].

Третий этап в эволюции востоковедения приходится на XIX в. Начало данного периода традиционно связано с наполеоновской экспедицией в Египет, в результате которой Европа фактически включила в свою орбиту влияния арабоязычные территории [8, p. 64]. Появилась масса переводческих работ, а также документов, в основном дипломатических и торговых. В это же время произошло окончательное оформление того, что Б. Льюис называл «классической западной формой ориентализма» [9, p. 49].

Этот период характеризовался качественными и количественными изменениями, которые Б. Льюис связывал с целым рядом следующих факторов и обстоятельств.

Во-первых, им отмечалось использование в исламских исследованиях критического исторического метода (историцизма), который был развит европейскими и особенно немецкими учеными. Так началось изучение ранней истории исламской цивилизации и была сформирована основа для последующих изысканий.

Во-вторых, увеличилось число лиц еврейского происхождения, причем преимущественно из религиозной среды, в европейских университетах. Значимость этого обстоятельства Б. Льюис особенно подчеркивал. Ученый полагал, что именно евреи «внесли большой вклад в развитие арабских и исламских исследований, тот самый вклад, который ощущается и поныне...» [9, p. 11]. Данный факт исследователь объяснял тем, что евреям, обучавшимся в раввинских школах талмуду и ивриту, было проще, чем другим европейцам, изучать родственные арабский язык и ислам. Кроме того, он полагал, что евреи в XIX в. в силу антисемитских настроений в Европе «ошибочно» ощущали к мусульманам свое родство. Льюис оценивал их работы как более объективные, чем исследования христианских ученых, по-

скольку евреи не занимались миссионерством, у них отсутствовала «ностальгия по крестовым походам», не беспокоил их и восточный вопрос [9, р. 12]. Вклад евреев в изучение ислама в той или иной степени признается многими исследователями. Однако существует мнение, что их научный вклад в изучение проблемы отличался наибольшей объективностью только до 1948 г. [15, р.18].

В-третьих, XIX в. стал временем доминирования европейских держав в большей части мусульманского мира. При этом следует принять во внимание, что Б. Льюис имел собственное видение исторического феномена, известного как империализм. Это один из важнейших пунктов, по которому Льюис расходится со многими современными исламоведом, особенно теми, кто свои исследования строит в рамках постколониальной теории. Он считал заведомо ошибочным рассматривать политику западных государств по отношению к миру ислама в категориях «вины» или «преступления» Запада и не видел принципиальной ее разницы с арабской, монгольской или турецкой экспансиями прежних времен [12]. Не отрицая большей частью негативное влияние империализма на мусульманский мир, Б. Льюис подчеркивал, что это влияние было «не таким большим и однобоким, как это рисует националистическая мифология» ряда государств мусульманского мира [7, р. 57].

Особое место среди социальных наук в изучении мира ислама Б. Льюис отводил истории. Он указывал на тот факт, что она была первой дисциплиной, уделившей внимание непосредственно исламу [9, р. 13]. Он называл ее «школой научной истории». Историческая наука базировалась на критическом подходе и оформилась среди ориенталистов в начале XIX в. Принадлежащие к ней востоковеды, по мнению ученого, внесли огромный вклад в исследование средневековой истории арабов и мусульман.

При всей высокой оценке историков-исламоведов того времени, Б. Льюис достаточно критически оценивал их работу, указывая на ряд негативных моментов, присущих исламооведам данного периода.

Первый из них заключался в том, что историки являлись заложниками своего времени – методов, концепций, убеждений. Он указывал также на то, что на исламоведческие исторические исследования оказывали достаточно заметное, но не всегда позитивное влияние представители социальных наук, философы и социологи, поскольку зачастую пользовались недостоверной информацией [9, р.17]. Б. Льюис критиковал также два основополагающих допущения, которыми часто оперировали европейские ученые. Первое заключалось в том, что существует некий универсальный алгоритм экономического или социального развития общества. Именно в этом ключе он критиковал марксистскую теорию «азиатского способа производства». Второе состояло в том, что модель этого развития могла основываться на западноевропейском опыте. В своей критике западных моделей анализа Б. Льюис был не одинок. Схожие опасения относительно применения западных моделей к мусульманскому обществу высказывал, например, известный американский исламовед иранского происхождения Сейид Хоссейн Наср: «Возможно ли изучать исламское общество, основываясь на теории Дюркгейма или провести антропологическое исследование части исламского мира на основе теории Леви-Стросса?» [15, р.20–21].

Второй негативный фактор Б. Льюис усматривал в том, что исследователи выстраивали суждения по классическому исламу, опираясь на современные им условия исламских обществ, которые они наблюдали.

Третий связан с языковой подготовкой. Б. Льюис обращал внимание на тот факт, что «история арабов написана на Западе преимущественно историками, которые не знали арабского языка, и арабистами-филологами, которые не знали историю. Если мы добавим персидский, турецкий и некоторые другие языки к формуле, ее можно расширить и включить в нее всю историю ислама целиком» [9, р. 14]. Именно этим Б. Льюис объяснял один из минусов современных ближневосточных исследований, стандарты которых «заметно ниже, чем в других дисциплинах» [9, р. 14]. При этом ученый сделал очень примечательную оговорку: «Однако в последнее время ситуация улучшилась – все больше исследователей, которые одновременно и историки, и ориенталисты» [9, р. 14].

Однако, по замечанию Б. Льюиса, эти историки-ориенталисты относительно мало интересовались современной им историей исламской цивилизации, письменное наследие которой приобретало все больше европейских черт [9, р. 50]. Отсутствие архивных материалов также не стимулировало интерес востоковедов к изучению периода Нового времени. Ситуация кардинально изменилась с открытием Османских архивов после 1908 г. Б. Льюис сам принадлежал к новому типу ориенталистов, приступивших к изучению исламской современности – он был первым западным ученым, допущенным к работе с Османскими архивами, материалы которых легли в основу его исследований по Османской империи [10].

Б. Льюис четко фиксировал заметное изменение предмета исследования в первой половине XX в., т. е. переключение внимания ученых к современному Ближнему Востоку. Этот факт можно рассматривать как основание для выделения ученым **четвертого периода** эволюции западного исламоведения.

В этот период определенный вклад в востоковедение внесли социальные науки. Если до этого Б. Льюис скептически оценивал вклад социальных наук в изучение ислама, то для данного периода уже было характерно то, что появились ученые, хорошо владеющие инструментарием социальных наук. Они стали напрямую исследовать исламские проблемы, зачастую непосредственно находясь в мусульманских странах. Появился ряд описательных работ, которые в дальнейшем проложили путь антропологическим исследованиям.

Пятый период начался тогда, когда ученые, проводившие свои исследования в рамках социальных наук, сосредоточенные преимущественно на своих дисциплинах, приобретали соответствующие лингвистические и исторические знания, чтобы стать востребованными региональными специалистами (критерии – лингвистический и исторический). Б. Льюис не дает точной хронологической идентификации этого нового периода, и только из контекста повествования его публикаций можно предположить, что речь идет о послевоенных годах, когда в странах Запада, в том числе в США, было создано множество востоковедческих центров. В них шло активное развитие региональных исследований, которые фокусировались на изучении современного исламского общества в рамках социальной антропологии, социологии, политологии и др. [14, р. 331].

Шестой период в эволюции западного исламоведения Б. Льюис связывает с нерелевантностью ориентализма как термина, обозначающего

предмет исследования. Событийно этот поворотный момент Б. Льюис связывал с прошедшим в Париже 29-м Международным конгрессом ориенталистов 1973 г., в ходе которого было принято решение о его переименовании на «Международный конгресс гуманитарных наук по Азии и Северной Африке» [8, p.103]. Это было время, когда начала оформляться постколониальная теория с характерной для нее активной критикой западного исламоведческого наследия и ориенталистов прошлого. Со своей стороны, Б. Льюис, в целом соглашаясь с тем, что термин «ориентализм» уже не отвечает нуждам современной науки, занял центральное место защитника ориентализма прошлого и развернул научную дискуссию с одним из основателей постколониальной теории американским ученым палестинского происхождения Эдвардом Саидом. В своих воспоминаниях ученый дал следующую оценку этому парадигмальному повороту в исламоведческой науке Запада: «Хотя лично меня и мою карьеру эти обвинения (имеется в виду критика Э. Саида исламоведов Запада) не затронули, многие молодые люди в начале своей научной деятельности серьезно пострадали. Они оказались в ситуации, при которой они либо соглашались (имеется в виду постколониальный подход), либо уходили из науки» [5, p. 267–271].

В целом в эволюции западного исламоведения Б. Льюис четко выделил два основных сформировавшихся подхода. Первый он назвал «классической традицией», преимущественно теологической и филологической, к которой принадлежит большинство ориенталистских исследований прошлого. Второй – дисциплинарный подход, оформившийся только в XX в. Оба подхода имеют свои недостатки. «Классическая традиция», опираясь на филологию, мало внимания уделяла истории. Второй подход, на взгляд ученого, страдает проблемой признания результатов исследований между дисциплинами, а также преувеличенной значимостью политкорректности, свойственной исследованиям данного направления [5, p. 271–272].

Подводя итоги, можно выделить следующие наиболее значимые акценты, которые Б. Льюис делал в своих оценках развития западного исламоведения: относительно нейтральное суждение о европейской экспансии; подчеркивание особого вклада евреев в изучение мира ислама как в Средние века, так и в последующие периоды; защита исторического наследия ориенталистов как определенного этапа становления западного исламоведения.

В заключение следует отметить, что многие оценки и суждения Б. Льюиса о развитии западного востоковедения, равным образом как и об истории ислама и исламской цивилизации, страдают известной субъективностью и односторонностью. Вот что пишет по этому поводу известный российский арабист В. В. Наумкин: «В течение многих лет востоковеды всего мира с восхищением произносили имя историка-арабиста и исламоведа Бернарда Льюиса, и среди западных специалистов по истории арабo-мусульманской цивилизации долгое время не было человека более авторитетного. Его книги издавались миллионными тиражами, ими зачитывались, оценки Льюиса формировали представление о предмете у огромной массы читателей. Эрудиция, владение историческим материалом, полет мысли автора находили почитателей не только на Западе, но и в исламском мире. Увы, труды Льюиса последних лет все в большей степени отмечены печатью идеологизации, политической ангажированности, агрессивной тенден-

циозности, а выводы все дальше уходят от академической объективности» [1].

Несмотря на заметную в академических исламоведческих кругах критику некоторых научных положений и политологических заявлений Б. Льюиса, ни у кого не вызывает сомнения обширность его научных знаний и владение историческими источниками, что позволило ученому представить европейский опыт исследований ислама и мусульманской цивилизации в наиболее систематизированном виде.

Список использованных источников

1. Наумкин, В. Фехтование цивилизаций [Электронный ресурс] / В. Наумкин // Россия в глобальной политике. – 2007. – №5. – 13 с. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/fehtovanie-czivilizaczij/>. – Дата доступа: 15.10.2019.
2. Aronson, E. Bernard Lewis, eminent Middle East historian at Princeton, dies at 101 [Electronic resource] / E. Aronson. – 2018. – 22 May – Mode of access: <https://www.princeton.edu/news/2018/05/22/bernard-lewis-eminent-middle-east-historian-princeton-dies-101>. – Date of access: 14.09.2019.
3. Cole, B. East and West (A conversation with Bernard Lewis) / B. Cole // Humanities. – 2006. – Vol. 27. – Issue 4. – P. 6–54.
4. Kramer, M. The Conflicted Legacy of Bernard Lewis [Electronic resource] / M. Kramer // Foreign Affairs. – 2018. – 7 June – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-06-07/conflicted-legacy-bernard-lewis>. – Date of access: 3.10.2018.
5. Lewis, B. Notes on a century reflections of a middle east historian / B. Lewis; B.E. Churchill. – London, 2012.
6. Lewis, B. The Arabs in History / B. Lewis. – Oxford, 2002.
7. Lewis, B. The crisis of Islam: holy war ad unholy terror / B. Lewis. – N.Y., 2003.
8. Lewis, B. Islam and the West / B. Lewis. – Oxford, 1993.
9. Lewis, B. Islam In History: Ideas, People and Events in the Middle East / B.Lewis, – Chicago. 2001.
10. Lewis, B. The Ottoman Archives as a Source for the History of the Arab Lands / B. Lewis // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – 1951. – № 3/4 (Oct.). – P. 139–155.
11. Lewis, B. The question of Orientalism [Electronic resource] / B. Lewis // The New York Review of Books. – 1982. – 24 June. – 20 p. – Mode of access: <https://www.nbooks.com/articles/1982/06/24/the-question-of-orientalism/>. – Date of access: 14.09.2019.
12. Lewis, B. The Roots of Muslim Rage [Electronic resource] / B.Lewis // The Atlantic. – 1990. – September – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/achive/1990/09/the-roots-of-muslim-rage/304643/>. – Date of access: 12.12.2019.
13. Lewis, B. Dodge Professor of Near Eastern Studies, Emeritus / B. Lewis; E. Cleveland // NES Faculty [Electronic resource]. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20060516012512/http://www.princeton.edu/~nes/faculty_lewis.html. – Date of access: 14.09.2019.
14. Martin, R. C. Islamic studies: history of the field / R. C. Martin // The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World / Ed. J. L. Esposito. – In 4 Vol. – N.Y., 1995. – Vol. 2. – P. 325–331.

15. Nasr, S. H. Islamic Studies in America / S. H. Nasr // The State of Islamic Studies in American Universities [Electronic resource] / Eds. Mumtaz Ahmad and others. – Haddon, Va: The International Institute of Islamic Thought (IIIT), 2012. – P. 18–28. – Mode of access: https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/boisi/pdf/s12/the_state_of_islamic_studies_in_american_universities.pdf. – Date of access: 25.08.2019/

*И. Л. Курс, аспирант
Белорусский государственный университет*

ВОПРОС ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ШОТЛАНДИИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ ШОТЛАНДСКИХ ПАРТИЙ НА ПЕРВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В 1999 г.

Важнейшей особенностью политического развития Великобритании последних десятилетий стала деволуция в Шотландии. Под этим понятием в научной литературе понимается процесс передачи центральными органами Великобритании части своих полномочий региональным органам Шотландии, а также практика реализации делегированных полномочий шотландскими политическими институтами. Своеобразный старт деволуции был дан в ходе конституционных реформ лейбористского правительства Т. Блэра. Итогом этих реформ явилось создание двух региональных шотландских органов власти – парламента Шотландии, известного также под названием Холируд, и шотландской исполнительной власти. Решение об их учреждении было принято в 1998 г.

Первые в современной истории выборы в Шотландский парламент были назначены на май 1999 г. Несмотря на то, что все политические силы Шотландии приветствовали учреждение Холируда, партии по-разному видели будущее региона. По сути, в политической жизни Шотландии оформились два основных идейных лагеря, стоящих на альтернативных позициях относительно дальнейшего статуса региона.

В первый лагерь входили партии, придерживающиеся так называемых «юнионистских» взглядов – шотландские лейбористы, консерваторы и либерал-демократы. Эти партии признавали необходимость расширения самоуправления региона, однако выступали против независимости Шотландии и выхода ее из состава Соединенного Королевства. В предвыборных манифестах каждая из этих партий подчеркивала свою приверженность сохранению текущего политического статуса Шотландии.

Главные фавориты предстоящих выборов – лейбористы – в партийном манифесте под названием «Строя шотландское будущее» однозначно заявили, что «судьбы Шотландии и остальной части Британии неразрывно переплетены», а Холируд будет работать в тесном партнерстве с Вестминстером [6]. В целом текст манифеста недвусмысленно давал понять, что лейбористы намерены сохранить Шотландию в составе Соединенного Королевства. По их мнению, лишь в этом случае возможно безопасное и процветающее будущее Шотландии.